

День рождения Лу Цинцзю приходился на март - месяц, пропитанный весенним духом. Всё возвращалось к жизни, мир наполнялся животворной силой. Лу Цинцзю любил оживлённые весенние дни, любил тёплое солнце, любил тающие ручьи, любил запах трав и деревьев в диком поле. Когда бабушка была ещё жива, в день рождения Лу Цинцзю она готовила ему особую чашу куриной лапши. Семья не считалась богатой, денег на торт не было, но этой чаши лапши Лу Цинцзю хватало для счастья. В курином супе с лапшой обычно лежали три золотистых яйца - Лу Цинцзю мог проглотить всё в несколько глотков.

После того как Лу Цинцзю покинул деревню Шуйфу, он очень давно не пробовал еды, приготовленной бабушкой. Он вспомнил, что тогда его родители хотели взять бабушку с собой, но она отказалась, пожелав остаться в этой глухой деревне, словно кого-то ждала.

Утром тридцатого числа Лу Цинцзю проснулся. Первым делом, открыв глаза, он схватил деревянную шкатулку, хранившуюся в изголовье.

На шкатулке всё ещё висел кодовый замок, и каждый день слова на нём менялись. Сегодня Лу Цинцзю, как обычно, проверил замок, но, взглядевшись, был потрясён.

На замке он обнаружил три очень знакомых символа - «Лу», «Цин», «Цзю», своё имя. Лу Цинцзю тут же вспомнил слова монаха Сюань Юя - что бабушка оставила ему подарок перед уходом, и этот подарок, должно быть, и есть деревянная шкатулка в его руках.

Руки слегка дрожали. Лу Цинцзю медленно повернул три символа, пока они не совпали в одну линию. Как только все три оказались на месте, деревянная шкатулка щёлкнула - плотно запертый замок открылся.

Волнуясь, Лу Цинцзю затаил дыхание. Медленно снял замок, открыл шкатулку и заглянул внутрь. Там лежала толстая записная книжка, на вид довольно старая.

Лу Цинцзю протянул руку, достал блокнот, и в тот же миг из его страниц выскользнуло нечто чёрное. Он замер на мгновение, затем нагнулся и поднял предмет. В пальцах оказалась чёрная чешуя - похожая на ту, что он получил прошлой ночью, но вся в глубоких царапинах, словно её хозяин был жестоко ранен.

Мысли Лу Цинцзю спутались. Его прежнее подозрение подтвердилось: бабушка действительно знала о сверхъестественных существах. И не просто знала - она общалась с ними. А эта чёрная чешуя... Она принадлежала Бай Юэху? Или кому-то из его сородичей? Но кем был Бай Юэху? Драконом? Однако драконов великое множество - даже в «Книге гор и морей» их перечень бесконечен...

Поколебавшись, Лу Цинцзю сунул чешую в карман и раскрыл блокнот.

Бумага давно пожелтела от времени, но изящная каллиграфия оставалась удивительно чёткой. Это был почерк его бабушки.

На первой странице значилось всего несколько слов:

«В деревне Шуйфу есть вода».

Лу Цинцзю нахмурился, на лице мелькнуло удивление. Название деревни всегда казалось ему странным. Обычно деревню называли по местной особенности: к примеру, если там жило много семей Ли - деревня Лицзя. Но в Шуйфу был лишь жалкий ручей, где даже рыба не водилась. Откуда же взялось имя «Обиталище духа воды»?

Пролистав ещё несколько страниц, он понял: перед ним - дневник бабушки. Записи были сумбурны, без дат и времени - просто обрывки мыслей, разбросанные по годам. Судя по всему, она начала вести его ещё в юности и хранила до самой смерти.

«Мне очень нравится это место, - писала бабушка. - И жилец у меня в доме - прелесть. Он такой красивый, ха-ха, я думаю, он куда красивее меня. Вот только ест он столько, что я боюсь - не прокормлю».

Лицо Лу Цинцзю окаменело. В груди шевельнулось дурное предчувствие.

И оно оправдалось. Чем дальше он листал, тем яснее видел: бабушка пережила то же, что и он сам. Она тоже встретила прекрасного жильца с чудовищным аппетитом. Только его характер разительно отличался от Юэху - мягкий, заботливый, «тёплый, как весеннее солнце».

«Я так люблю весну, - писала тогда ещё юная девушка, легко и безоглядно влюбившаяся. - Люблю её так же, как его. Сегодня он приготовил ужин - было невероятно вкусно. Я спросила, сможет ли он готовить для меня всегда. Он улыбнулся и кивнул».

Но, читая эти теплые строки, Лу Цинцзю ощутил лишь боль. В его памяти никогда не было деда. Слово «дедушка» стало в этом доме запретным. Однажды в детстве он спросил бабушку, но она ответила жёстко: «У тебя нет дедушки, мой хороший Цзю-эр. Никогда больше не спрашивай меня об этом».

И он не спрашивал.

Лу Цинцзю перевернул страницу - и обнаружил, что больше половины дневника вырвано. Судя по рваным краям, бабушка делала это в ярости: в одном месте блокнот едва не разорвался пополам.

«Теперь я понимаю, - писала она после. - Я готова сделать этот выбор. Потому что у меня есть он. Если он есть - этого достаточно. Оказывается, причина, по которой они звали меня

вернуться, была в этом. От семьи Лу осталась только я. Я – последняя. Это моя ответственность».

Лу Цинцзю не понимал, что она называла ответственностью, но с каждым словом на душе становилось всё тяжелее. Он чувствовал: с бабушкой случилось что-то страшное.

После этих строк в дневнике шли пустые листы – словно она потеряла интерес к собственной жизни. А затем появились короткие, обрывочные записи, от которых у Лу Цинцзю сжалось сердце.

«Он изменился. Как такое могло случиться?»

«Как? Я не понимаю».

«Мне прислали нового жильца, но я не смогла его принять».

«Почему... почему... Я не хочу сдаваться. Я не могу сдать».

«Я беременна».

«Всё кончено».

Лу Цинцзю сжал дневник так, что побелели костяшки. В те времена беременность вне брака считалась несмываемым позором. К счастью, положение семьи Лу в деревне Шуйфу было высоким – её не изгнали, но на официальные собрания больше не звали, а в спину летели косые взгляды. После рождения матери Лу Цинцзю бабушка отослала её прочь из деревни, позволив расти на свободе. Но когда его родители, вечно занятые работой, не смогли заботиться о маленьком Цзю-эре, его отправили к бабушке. И он провёл детство рядом с этой доброй старой женщиной.

Что произошло между ней и её любимым? Что значило «изменился»? Лу Цинцзю казалось, что он стоит на краю тёмной бездны. Стоит сделать шаг – и он рухнет. Разум кричал: остановись. Но любопытство толкало вперёд.

Он перевернул последние страницы и увидел послание, оставленное специально для него.

«Цинцзю, когда ты прочтёшь этот дневник, меня, наверное, уже не будет. Я должна извиниться перед тобой: смерть твоих родителей не была случайной. Их убили. Убийца понёс наказание, но он сделал это не по своей воле. Пожалуйста, не вини его. В деревне Шуйфу много тайн. Я не знаю, сколько тебе уже известно, но, если возможно, я бы хотела, чтобы ты не узнал ничего больше».

Читая, Лу Цинцзю чувствовал, как тело наливается ледяной пустотой.

«У семьи Лу особая кровь. Мы рождены быть хранителями деревни Шуйфу. Но наш род редееет, и я не знаю, когда он прервётся. Я была рада, что ты уехал. Я надеялась, что ты не вернёшься, что всё закончится навсегда. Но я всё равно боялась того, что может случиться после моего ухода, и оставила тебе этот дневник. Я очень надеялась, что ты не откроешь его и не увидишь этих строк».

Но, как видно, желание бабушки не сбылось. Ведомый судьбой – или неизбежностью, – Лу Цинцзю вернулся в эту глухую деревню.

Комок подступил к горлу. Он продолжил читать.

«Но если ты это видишь... может, это и к лучшему. У тебя свой путь, бабушка не может решать за тебя. Шуйфу – совершенно особое место. Оно стоит на границе двух миров. Семья Лу охраняет его тысячу лет, но мы охраняем не деревню. Мы охраняем „человека“. Цинцзю, ты уже познакомился с новым жильцом? Тот, кого ты должен беречь – это он. Пока он жив, деревня Шуйфу будет стоять. Если он умрёт или с ним случится беда – последствия будут ужасны. Но ты не должен испытывать к нему никаких чувств. Это великая ошибка. Члены семьи Лу всегда платят за неё слишком высокую цену».

«Что чувствовала бабушка, писав эти строки? – подумал Лу Цинцзю. – Неужели она вспоминала того, кого так сильно любила? Но как же это противоречиво: защищать человека изо всех сил – и не испытывать к нему чувств? Разве человек без чувств – ещё человек? И почему такие слабые люди, как мы, должны охранять того, кто в сто раз сильнее нас?»

Он не находил ответа.

Последнее предложение было нацарапано неровно, почти нечитаемо:

«Цинцзю, бабушка любит тебя. Если ты столкнёшься с бедой – загляни в шкатулку ещё раз».

На этом всё.

Последний абзац был написан в ужасном состоянии. Дрожащей рукой. Это были последние слова его бабушки.

Пальцы Лу Цинцзю гладили шершавую бумагу. Он понимал, о чём она говорила. И многое оставалось для него загадкой. Но теперь это уже не имело значения.

Крепко прижав блокнот к груди, он встал и направился к Бай Юэху.

Бай Юэху всё ещё спал. Он лежал, уткнувшись щекой в мягкое одеяло; тёмные волосы шёлком разметались по белой простыне. Лицо его было прекрасно, словно сошедшее с древней картины.

Все люди – существа поверхностные. Им всегда нравились красивые тела.

Лу Цинцзю присел рядом. Движения его были легки, но Бай Юэху всё равно открыл глаза. Сон ещё туманил их, но настороженности не было.

«Что-то случилось?» – спросил он.

«Я хочу кое о чём тебя спросить», – сказал Лу Цинцзю.

Бай Юэху перевёл взгляд на шкатулку в его руках. «Ты открыл её?»

«Да».

«Спрашивай».

Лу Цинцзю помедлил. «Ты знаешь, что случилось с моей бабушкой?»

«Знаю немного», – ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю напрягся. «Что именно?»

«Она была твоей бабушкой, – сказал Бай Юэху. – И членом семьи Лу, что охраняет деревню Шуйфу».

Лу Цинцзю: «Есть ли что-то ещё?»

Бай Юэху продолжил: «Её возлюбленный навлёк великую беду и был заточён», – его голос звучал легко, но слова заставили Лу Цинцзю вздрогнуть.

«Ты знаешь, что случилось с ее бывшим возлюбленным?» – спросил Лу Цинцзю, не сводя с него глаз.

«Не знаю, – ответил Бай Юэху. – Всё это держится в секрете. Цинцзю, что стряслось?»

Лу Цинцзю горько усмехнулся: «Он съел моих родителей».

Бай Юэху слегка нахмурился: «Невозможно».

Лу Цинцзю: «Отчего же невозможно?»

Бай Юэху: «Если б он вознамерился кого-то съесть, то сперва набросился бы на твою бабушку. Зачем ему твои родители?»

«О чём ты? С чего ты так решил?» – Лу Цинцзю вообще не понимал логики Бай Юэху.

Бай Юэху выпрямился и медленно придвинулся к Цинцзю. В глазах его, словно угли, тлел огонь, и Лу Цинцзю инстинктивно рванулся назад, но Бай Юэху перехватил его за руку. «Чего ты боишься?» – спросил он медленно.

Горло Лу Цинцзю перехватило: «Я просто... не понимаю, что ты имеешь в виду».

Бай Юэху сказал: «Наш род, если не встретит врага, пожирает лишь тех, кого любит. Когда рядом с ним была твоя бабушка, вздумай он кого-то съесть, сперва съел бы её».

Лу Цинцзю: «...Но вышло так, что он съел моих родителей».

Бай Юэху: «Возможно, он свершил это не по своей воле».

Лу Цинцзю: «Разве вас можно принудить?»

Бай Юэху: «Нас нельзя принудить, но можно осквернить. За пределами Шуйфу – границы с иными мирами».

Лу Цинцзю хотел вырваться из хватки Бай Юэху, но рука его была железной, и он не сдвинулся ни на сантиметр. Он сдался, присел рядом, опустив голову, и прижал к груди чёрную деревянную шкатулку. «Ты знаешь, почему я вернулся в Шуйфу?»

Бай Юэху вглядывался в лицо Лу Цинцзю, подбирая слова: «Из-за твоих родителей?»

«Да, кто-то сказал мне, что мои родители погибли не случайно, – Лу Цинцзю поднял взгляд на Бай Юэху. – И он был прав».

Бай Юэху: «Кто тебе сказал это?»

Лу Цинцзю: «Старое древо».

Бай Юэху нахмурился.

Лу Цинцзю продолжал: «Он сказал, что жизнь моих родителей не должна была прерваться, что они умерли в Шуйфу по чьей-то вине, а не от стихийного бедствия».

Бай Юэху спросил: «Ты поверил ему?»

«Я не верил, когда приехал, но сейчас верю, - ответил Лу Цинцзю. - Он был прав. Мои родители погибли не из-за оползня, а были съедены».

Неудивительно, что тогда даже Инь Сюнь, горный бог, не смог отыскать тел его родителей - лишь их вещи. Он должен был догадаться еще тогда: это не был несчастный случай, их кто-то съел.

Лу Цинцзю взглянул на Бай Юэху, и в его глазах блеснули слёзы. Он вспомнил отчаяние в дневнике бабушки и сцену, где ему пришлось справлять похороны родителей. Он спросил: «Ты хочешь съесть меня?»

Бай Юэху слегка приоткрыл губы. Лучшим ответом было бы «нет», но его душа шептала о вожделении к Лу Цинцзю. И это желание заставило его замешкаться; он лишь видел, как свет в глазах Лу Цинцзю слегка потускнел.

«Не можешь ответить?» - спросил Лу Цинцзю.

Бай Юэху почувствовал, как сердце сжалось. Странное это было чувство: его сердце было в порядке, отчего же оно ныло?

«Не знаю».

Лу Цинцзю горько рассмеялся.

Бай Юэху сказал: «Но я сделаю всё, что в моих силах, чтобы совладать с собою». Он схватил Лу Цинцзю за руку и осторожно вдохнул запах его пальцев. Губы его скользнули по коже тыльной стороны ладони, касаясь тепла человеческой плоти.

«Мне трудно описать тебе это чувство.словно... перед тобой лакомый кусок пирога. Ты любишь этот пирог до беспамятства и хочешь проглотить его, но знаешь, что, едва съешь его, он исчезнет, и потому терпишь».

Поначалу унылый Лу Цинцзю от метафоры Бай Юэху рассмеялся: «Но я же не пирог».

Бай Юэху: «Да, ты соблазнительнее любого пирога».

Лу Цинцзю: «Ты хвалишь качество моего тела?»

Бай Юэху: «Пожалуй, что так?»

Лу Цинцзю разразился громким смехом. Но так смеялся что, слёзы потекли из глаз. «То создание, что съело моих родителей, где оно сейчас? Знает ли оно, что бабушка умерла?»

«Я уже водил тебя к нему, - сказал Бай Юэху. - Помнишь наш конкурс страшных историй? Тот дракон, что ты видел, и есть тот, кто убил твоих родителей. Конечно, все твердят так, но я в это не верю. Отчего-то он не пытался оправдать себя». В его словах звучала твёрдая уверенность, что тот дракон не ел родителей Лу Цинцзю, но это противоречило записям бабушки, и Лу Цинцзю не знал, кто говорит правду.

«Я немного грустно. Не ожидал, что получу такой подарок на день рождения». Что это будет столь тяжкая истина.

Бай Юэху: «Не грусти». Он поднял руку и легонько погладил Лу Цинцзю по затылку, словно применял тот же способ, что Лу Цинцзю использовал для успокоения лисёнка. Прикосновение его было щекотно, и Лу Цинцзю хотел уклониться, но Бай Юэху крепко держал его. Он спросил: «Ты уйдёшь? Покинешь это место?»

Возможно, сам Бай Юэху не понимал этого, но в его тоне звучала лёгкая тревога.

Лу Цинцзю задумался на миг: «Нет».

Бай Юэху вздохнул с облегчением.

«Похоже, что, даже покинув Шуйфу, мне некуда будет податься», - сказав это, Лу Цинцзю ощутил горечь в сердце. Он рано лишился всех родных, и ему больше некуда было идти. Для него Шуйфу была не только родной деревней, но и тёплым домом. Здесь ждал его возвращения Инь Сюнь, здесь его охранял Бай Юэху, здесь были милые поросята и пушистый лисёнок.

Для Лу Цинцзю это место было полно тепла.

«Не уходи. - Бай Юэху обнял Лу Цинцзю. Он нежно потёрся головой о его щеку, словно игривый кот. - Остайся здесь».

Наблюдая за движениями Бай Юэху, Лу Цинцзю ощутил, что лисий дух перед ним слишком взволнован, и он невольно повторял повадки своей изначальной формы. Что же за дракон был прототипом Бай Юэху? Сперва он хотел спросить, но вспомнил, как серьёзно тот относится к

этому вопросу, и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

«Я не уйду, – сказал Лу Цинцзю. – Отпусти, пойду готовить завтрак».

Бай Юэху спросил: «Точно не уйдёшь?»

Лу Цинцзю беспомощно заверил: «Правда не уйду. Если лгу тебе, можешь съесть меня, ладно?»

«Ладно». – Бай Юэху говорил серьёзно.

Лу Цинцзю: «Дай мне сперва переварить всё это».

К счастью, он уже давно смирился с тем, что сверхъестественное существует, и был умственно готов. Если б он узнал это, когда впервые приехал, то, верно, на следующий день испугался бы до смерти.

«Угу». – Бай Юэху кивнул в согласии.

Лу Цинцзю отнёс шкатулку в спальню, бережно закрыл её и поставил обратно у изголовья кровати. Он осторожно погладил её, думая о последних словах, что оставила ему бабушка: если столкнётся с бедой, пусть вновь взглянет на вещи в шкатулке... Она, вероятно, хотела своим опытом утешить Лу Цинцзю.

Но Лу Цинцзю лишь грустил. Ему было трудно представить то отчаяние, что охватило бабушку, когда она узнала, что возлюбленный съел их ребенка.

Он просидел в своей комнате довольно долго, но всё же совладал с эмоциями. Молодой человек встал и пошёл готовить.

Хотя ныне он знал, какая печальная история случилась здесь в прошлом, жизнь продолжалась. К тому же это был его день рождения, и он не хотел, чтобы его дурное настроение передалось другим.

Однако, едва он добрался до кухни, как услышал шумные голоса, доносившиеся изнутри. Прислушавшись, он разобрал, что Чжу Мяомяо и Инь Сюнь спорят, а Цзян Бухуань пытается их унять.

Инь Сюнь причитал: «Ва, то, что ты сделала, съедобно?! Разве я не велел класть меньше яиц? Гляди, этот торт даже форму не держит!»

Чжу Мяомяо: «Айя! Если б я знала, что твои кулинарные таланты так бесполезны, я б заказала торт! Торопитесь, торопитесь! Уже поздно, Цинцзю скоро встанет!»

Инь Сюнь: «Не торопи меня, не торопи...»

Цзян Бухуань: «Поставь сюда, осторожнее».

Лу Цинцзю заглянул в дверь и увидел, что все трое, с ног до головы в муке, бережно передвигают торт. Вот только форма этого торта была престранной. Если бы пришлось описать её... Она напоминала расплавленную детскую какашку.

Лу Цинцзю: «...» Как же им удалось сотворить такой торт.

Все трое не заметили, как Лу Цинцзю заглянул; они из последних сил перемещали торт в коробку, намереваясь покрыть его кремом. Лу Цинцзю подумал и, развернувшись, вернулся в свою комнату.

Примерно через двадцать минут взволнованная Чжу Мяомяо постучала в дверь Лу Цинцзю, призывая его встать. Лу Цинцзю притворился, что только что проснулся, зевнул и сказал: «Простите, сегодня я встал поздно».

«Ничего, ничего, – отозвалась Чжу Мяомяо. – Скорее! Мы приготовили завтрак!»

Лу Цинцзю: «Вы даже завтрак приготовили? А кто его делал? Не Инь Сюнь же, верно?»

Чжу Мяомяо не знала, сколь ужасна стряпня Инь Сюня, и оттого слегка смешалась: «А что плохого, если Инь Сюнь приготовил завтрак? С виду всё выглядело довольно сносно».

Лу Цинцзю: «...Ничего страшного, всё в порядке». – Он не сказал Чжу Мяомяо, что самое ужасное в стряпне Инь Сюня было не то, что блюда выглядели отвратительно или имели чудовищный вкус. Напротив, внешне они казались вполне приличными, и даже на вкус был довольно хорош. Но после трапезы диарея была гарантирована, словно он подмешивал туда какие-то сомнительные ингредиенты. И всё же сегодня все так старались, готовя для него праздничный стол, что Лу Цинцзю не хотел омрачать их радость. А ещё – съев стряпню Инь Сюня, ты всего лишь получал расстройство желудка на один день... ведь так?

Автору есть что сказать:

Атмосфера в главе слишком гнетущая – сегодня маленький спектакль отдыхает.

Переводчику есть что сказать:

ессо: Ах, автор, за что? Только все было прекрасно - идиллия, пчелки, весна, развитие отношений героев... и тут БАЦ! Огромный кусок сюжета падает на голову, да еще такой депрессивный... Просто бесчеловечно.

Значит, тот жуткий дракон - его дед. Тот самый несчастный, что был вынужден пожирать самого себя, безглазый и безъязыкий... Какой кошмар! Что за бедствие он навлек? Его подставили? Или он действовал по принуждению? А может, родители Цинцзю всё ещё живы, и дед спрятал их в другом мире? Теперь мы точно знаем, что Юэху - дракон. И, видимо, существует некий Дракониий совет, способный покарать преступников.

Зачем оберегать Юэху? Значит, Цинцзю - хранитель хранителя границ между мирами?..

Ну что ж, автор хотя бы немного подсластил эту главу развитием отношений. Сладкий Цинцзю-тортик - укусить бы его за бочок...

<http://bllate.org/book/15722/1636390>